

ЗАВЕРШАЯ РАЗГОВОР, НО НЕ СТАВЯ ТОЧКУ

М.Ю. КОНДРАТЬЕВ

Кондратьев Михаил Юрьевич — декан факультета социальной психологии Московского городского психолого-педагогического университета, член-корреспондент Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор. Лауреат премии Президента РФ в области образования, автор более двухсот научных трудов в области социальной, возрастной, педагогической, пенитенциарной психологии и психологии личности.
Контакты: social2003@mail.ru

Резюме

Статья выстроена в логике ответов автора на выступления А.В.Лоргуса, В.И.Слободчикова, В.М.Розина, прозвучавшие в дискуссии «Психология — с религией или без нее?». При этом рассматриваются как неприемлемые смешивание «христиански ориентированными» психологами понятий «душа» и «духовность», а также «примирительно-успокаивающая» позиция профессионального философа по поводу полемики о предметном поле психологии.

Отмечается также и нежелание участников дискуссии в ее рамках всерьез обсуждать вопросы, касающиеся достаточно агрессивных попыток церкви прорваться в сферу современного светского российского образования.

Пожалуй, одним из самых сложных и неблагоприятных жанров, если говорить о научной дискуссии, является «постдискуссионная» полемика на страницах журнала. Во-первых, каждый оппонент, насколько способен, уже высказал свою позицию в рамках своего изначального выступления. Во-вторых, неизбежно возникает вопрос как у участников дискуссии, так и у читателя: «Когда же это кончится?», ведь и на постполемические высказывания может возникнуть желание ответить. Острота того

вопроса, который был поднят в статьях под рубрикой «Психология — с религией или без нее?», заставляет сделать именно такое предположение. И все же считаю, что после этого блока публикаций «ответных материалов» дискуссия завершится на страницах журнала; ее социальная ценность и окончательное разрешение возможны лишь в реальной общественной жизни.

Перед тем как открыть данную дискуссию и объявить ее в качестве специальной темы конкретного выпуска

журнала «Психология», редколлегия в тексте введения к материалам этой дискуссии указала: «Мы пригласили открыть нашу дискуссию четырех ведущих авторов по этой проблеме, двое из которых (А.В. Лоргус и В.И. Слободчиков) — сторонники христианской психологии, а двое (М.Ю. Кондратьев и В.М. Розин) считают, что психология должна быть отделена от религии» (с. 57)¹. Ознакомившись с позициями участников дискуссии, должен признать, что у меня нет никаких оснований для того, чтобы предъявить сколько-нибудь существенные претензии редколлегии журнала: дифференциация участников дискуссии в целом совершенно верна. В то же время вряд ли ситуацию можно представить столь упрощенно. В данном случае речь идет не о существовании неких полюсов континуума «за» и «против», а о наборе четырех совершенно самостоятельных диспозиций, четырех различных взглядов на проблему. Именно поэтому свою оценку прочитанных мной, как и всеми другими читателями журнала, материалов в томе 4 № 2 я не хотел бы строить в логике заданной конструкции: «А.В. Лоргус и В.И. Слободчиков — М.Ю. Кондратьев и В.М. Розин». Поэтому свои размышления по поводу прочитанного строю по схеме последовательного рассмотрения позиции каждого из трех, помимо меня, участвовавших в дискуссии.

Прежде всего, обращусь к рассмотрению позиции А.В. Лоргуса. Как он пишет, «в каждой дискуссии остается

возможность словесной или грамматической эквилибристики. Воспользуюсь этим методом и я» (с. 59). Но то, что предпринял А.В. Лоргус, простой словесной эквилибристикой назвать нельзя, это, скорее, переименование темы. Заменяя тему дискуссии «Психология — с религией или без нее?» на тему «Психология — против религии или нет?», уважаемый «психолог от религии», по сути дела, изменил сам смысл планируемого разговора, ведь попросту нельзя быть «против», если речь идет о разных предметно-проблемных полях, можно лишь быть «без». Кроме того, по меньшей мере, странно, что наш оппонент рассматривает религию в данном случае в качестве заведомого объекта. Если уж заниматься «словесной эквилибристикой» с его позиций, то, наверное, более правомерно (если вообще допустимо в рамках уже начавшейся дискуссии менять не просто ее акценты, но сам содержательный смысл) было бы заявить иное наименование «Религия — против психологии или нет?».

Вызывает недоумение, что окончивший МГУ им. М.В. Ломоносова психолог считает, что «душу» ни при каких обстоятельствах недопустимо рассматривать как предмет научной психологии (так как она заведомо не может быть с научных позиций изучена и измерена), а «духовность» как личностное свойство, как характеристика личностной направленности, как базовая характеристика поведенческой активности являлась и является именно психологическим

¹Здесь и далее даются ссылки на журнал: Психология: Журнал высшей школы экономики. 2007. Т.4, № 2. В скобках в тексте приводятся номера страниц.

понятием, содержательно симбиозно связанным с такими категориями, как гуманность, сочувствование, в конечном счете и доброта. Несмотря на то, что А.В. Лоргус, по-видимому, специально изучал словники психологических словарей (с. 62), он все же упустил из вида, что в подобные издания традиционно включается данное понятие, при этом со ссылками на конкретные, в том числе и экспериментальные исследования.

Вызывает неприятие данная А.В. Лоргусом характеристика советских психологов как позитивистов и советской психологии как психологии исключительно позитивистской (и при этом с отчетливо негативным оценочным оттенком) именно потому, что в его понимании наблюдение и описание реальности научными методами не позволяет уловить и описать некое идеальное «нечто», почему-то безоговорочно причисляемое к предмету именно научного знания, а не к области веры, т. е. знания религиозного. На мой взгляд, для любого человека, связанного в своей профессиональной деятельности именно с научными исследованиями, совершенно очевидно, что поиск и поимка любой «невидимки» могут стать собственно научным достижением лишь при условии, что осуществляются они сугубо научными методами. Кстати, подобных «невидимок» психологической наукой было поймано и описано огромное число, начиная от группового эффекта и заканчивая, например, многочисленными феноменами межличностных отношений. Следует заметить, что после подобного научного изучения все эти психологические явления продолжают счастливо здравс-

твовать в отличие от тех, которые не смогли пережить идеолого-догматического «препарирования». В то же время, несомненно, нельзя не согласиться с А.В. Лоргусом в том, что проблема личности является проблемой междисциплинарной, и потому естественно, что «точкой роста» для ее решения оказывается межнаучная граница, но именно межнаучная, а никак не граница между психологией и богословием или христианской антропологией. Научная проблема может решаться исключительно научными методами, и любая «помощь» из вненаучного «далека» — скорее не помощь, а выведение вопроса за пределы возможного научного рассмотрения.

В любом случае позиция А.В. Лоргуса, сформулированная им в журнале, не показалась мне концептуальной. Скорее, это оценочная позиция, кстати, содержательно не детализированная, того, что, на взгляд автора, в психологии «не доделано» и не может быть «доделано», если ей (психологии) не удастся перестроиться в желаемом для него направлении. Даже не просто перестроиться. На взгляд А.В. Лоргуса, требуется ревизия советской школы психологии (с. 58). Определенное переосмысление в этом плане, конечно, должно быть осуществлено, прежде всего, идеолого-методологическое, кстати, оно и осуществляется и, слава Богу, силами именно психологов и именно в научных рамках.

Теперь остановлюсь на оценке выступления В.И. Слободчикова. К сожалению, автор выступления не предоставил мне возможность вступить с ним в хоть сколько-нибудь научную полемику. На мой взгляд, текст

В.И. Слободчикова «Христианская психология в системе психологического знания» является наилучшим аргументом, позволяющим прийти к выводу о том, что психология и религия — параллельные предметно-проблемные плоскости. Ограничусь лишь одной цитатой: «Постнеклассическая психология сегодня — это развилка: либо христианская благодатная психология, либо бесовская психология падшести и проклятия. "Отойдите от Меня, проклятые!"» (с. 96). В данном случае лучше отойду и промолчу.

И, наконец, о позиции, высказанной В.М. Розиним. Мы познакомились на страницах журнала со статьей несомненно высокопрофессиональной, написанной в лучших традициях научного диспута и при этом живым и вполне доходчивым языком, несмотря на то, что эта статья — выступление классического философа. Другое дело, что если бы в заявленной дискуссии обсуждался научный предмет философской науки, а не психологической и предлагалось «скрестить» эту науку и собственно религиозное знание, то вряд ли В.М. Розин был бы столь спокоен и остался бы на позиции оценивающего ситуацию наблюдателя. Кроме того, сомнительно, что в подобных обстоятельствах он и начал, и закончил бы свое выступление абзацами «примирительно-успокаивающего» характера (с. 74, 88), скорее всего, наотмашь пытался бы отбиться от агрессивной атаки извне на границы светской науки — философии. Именно поэтому не совсем, на мой взгляд, этично выглядит попытка несколько свысока звучащего из уст философа и адресованного психоло-

гам разъяснения достоинств «концепции» А.В. Лоргуса: «Во-первых, он заставляет психологов заново обсуждать особенности своего предмета, что, на мой взгляд, всегда полезно. Во-вторых, заставляет поставить вопрос о том, что является при изучении психики целым — та или иная теоретическая гипотеза, требования психологической практики, этические или религиозные ценности? В-третьих, вынуждает психологов покинуть уютную башню из слоновой кости и начать общаться, например, с верующими или эзотериками» (с. 76). Другое дело, что в дальнейшем В.М. Розин совершенно аргументированно не только указывает, но и, на мой взгляд, излишне пространно доказывает, что нет ни малейшего смысла «идти в мистику и снова возвращаться к переосмысленному еще Аристотелем понятию "души", когда все указанные А.В. Лоргусом проблемы можно решать на рациональном пути» (с. 76).

Что касается крайне интересных размышлений В.М. Розина о взглядах Э. Сведенборга или Р. Штейнера, то эти пассажи несомненно поучительны, но, на мой взгляд, отношение к обсуждаемым в рамках дискуссии проблемам имеют лишь косвенное. Вряд ли имеет смысл аргументировать справедливость того факта, что судьба науки и судьба отдельного человека науки — предметы, очевидно несовпадающие. При этом никто не оспаривает того, что ученый может быть верующим, а верующий — ученым. Предмет состоявшегося обсуждения в ином: совместимо ли научное знание со знанием религиозным? Конечно, как пишет В.М. Розин, ссылаясь на чье-то высказывание, вполне

реальна и такая личностная позиция: «Моя вера и наука находятся в разных комнатах». Более того, подобная ситуация может и не «расщеплять» личность. Но никакого отношения к судьбе собственно науки такая сугубо личностная формула не имеет. Думаю, что и для религии (конечно, не мне об этом судить) такая «коммуналка» ни к чему. И еще одна цитата из выступления В.М. Розина: «Жить в двух «комнатах» сегодня не более затруднительно, чем в двух разных реальностях. Современный человек научился раздваиваться» (с. 83). Но это о конкретном и при том далеко не о каждом человеке. Вряд ли готовность к подобному «мироощущению» ощущающих самих себя интеллектуальной и духовной «элитой» немногочисленных эзотериков было бы правомерно задавать как «нормативный» алгоритм «скрещивания» несовместимых знаковых областей.

Если в целом оценивать материалы, представленные в рамках дискуссии, то для меня удивительно, что никто из ее участников никак не отнесся к тому факту, что сегодня вопрос о так называемой «христианской психологии» неразрывно связан с проблемами современного российского образования. Лишь на первый взгляд может показаться, что вопросы соотносительности, с одной стороны, науки и религии (в частности, психологии и православия) и современной образовательной практики, с другой, напрямую не связаны. В действительности же это не так. Как только мы задумаемся над тем, зачем вдруг

церкви понадобилась научная психология, станет понятно, что столь активная атака имеет свою логику. Тактически именно через такую гуманитарную научную область, как психология, легче всего «ворваться» в условиях конституционного светского государства в массовое, пока еще светское образование и уже через этот канал за счет именно масштабности аудитории и более чем значительного объема бюджетных средств решать задачу собственно стратегического характера — клерикализации современной общественной жизни России и установления ортодоксально-жесткой, по сути своей тоталитарной вертикали якобы духовной власти церкви над любой личностью.

У меня не вызывает сомнений тот факт, что поднятая журналом «Психология» дискуссия сегодня остро актуальна уже хотя бы потому, что в ее рамках раскрыты, по сути дела, основные и при этом принципиально не совпадающие, существующие ныне позиции по обсуждаемому вопросу: позиция спокойно-наступательного натиска религиозного знания на знание научное, позиция отказа от науки во имя религии, позиция эмоционально отстраненного наблюдения за происходящим в «чужой» науке, позиция жесткого отторжения религиозной агрессии на область собственно научную. К счастью, судьба психологической науки зависит не от позиций участников данной дискуссии, эта судьба решается и неизбежно будет решена, но не в рамках «профессионально-цеховых» дискуссий, а в реальной социальной практике.